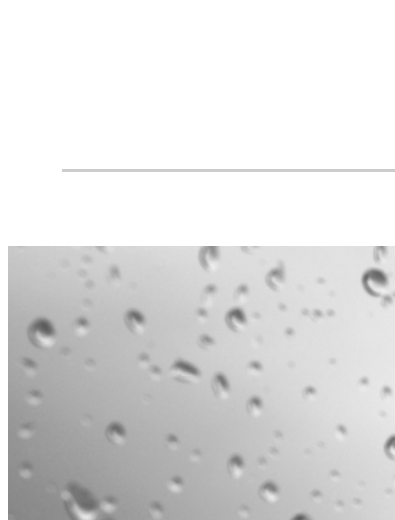

Автор: [Шереметьева Ульяна](#) | 4. мая 2018

Нет комментариев

Раздел: [поэзия](#)

Ульяна Шереметьева ([scheremetjew.a.com](#)). Художник и поэт, выпускница Московской государственной художественно-промышленной академии им. Строганова (Москва). С 1993 живёт и работает в Германии (Потсдам). Подборки стихов опубликованы в различных сборниках (в том числе двуязычных), в периодике и онлайн изданиях России, Германии и стран русского зарубежья. Лауреат ряда международных конкурсов (художественных и литературных), автор трёх поэтических сборников, участница многочисленных выставок, член Союза художников России и Международного художественного фонда.

[Посмотреть все записи автора Шереметьева Ульяна →](#)

more-photo.ru

* * *

Берлин в дожде, встречает хмуро,
вчера так диктор предрекла,
и выглядит вполне понуро
дуэт бетона и стекла.
Он врезан крепким силуэтом
в круг европейского двора,
а дождь всегда сродни поэтам,
чья суть на кончике пера.
Взорвались улицы зонтами,
и в отражениях витрин
размыка серого над нами
сгущается в ультрамарин.
Что ж, очертаний чёткость пряча,
Берлин загадочней вот так...
а я вырастаю в шелест плача,
шагами вымеряя такт.
Всё исчезает – даты, сроки...
благословеньем этих дней
мне небеса даруют строки
на тонких ниточках дождей.
Вокзал. Здесь ритмов речь острее,
платформы высвечен трамплин,
но я беру с собой трофеем
весь этот сумеречный сплин...

* * *

Голубые стрекозы! Ну, как же без них?
Лето было б неполным, в себя не вобрав
мельтешения их на просторах сквозных,
здравый смысл муравьиный поправ...
Шелест крыльев тончайших в прожилках судьбы,
да очкастые мордочки-маски...
О, какая изысканность у художбы,
привнесённая, верно, из сказки.

Посмотреть бы на мир сквозь слюду этих крыл,
или дивных стрекоз тех глазами...
Каждый много б, наверно, внезапно открыл,
и следящего в выси за нами...
И кружатся стрекозы – штрихи бирюзы,
и мечтой осяцают пространство,
то хандрю прочеркнув, то угрозы грозы,
заодно – кандалы постоянства...

* * *

Сколько раз вымеряла я город шагами,
что стежками, сшивая кварталов куски,
и сканировал ветер фасадов мазки,
пробегая вдоль них, как в заученной гамме.

И лоскутные парки меня узнавали,
шевелив шевелюрами старых деревьев,
и сатиры ловили в них мраморных дев,
и уставшие боги привычно дремали.

И неважно, дежурил апрель или август,
в неизбытном желании чуда глотка,
я иллюзий билет покупала с лотка
и садилась в трамвай, полагая, – на Арго...

* * *

День вымок, словно лист афиши,
и, скомкан ветром, сорван прочь.
Вот вечера сомкнулась ниша,
в которую вползает ночь,
и дождь, чернилами по окнам
стекая, жалуется мне...
и сердце полотенцем мокнет,
вбирая скорбь его извне,
и болью набухают вены,
и чей-то голос у виска,
как здравомыслию измена,
свисает каплей с волоска...

СИНИЙ РИСУНОК

Карандаш, как птица над листом,
то взмывает, то опять садится,
то в пространство врежется винтом,
брызги оставляя на странице.
Синих линий натиск, а не вязь,
с паузами воздуха для вдоха...
карандаш штрихует не боясь,
без оглядки – здорово ли, плохо...

Неодушевлённости барьер
им преодолён в пылу борений,
миновав пределы полумер,
обретя инакость измерений.
И сейчас, колдуя над листом,
где простора синего сюита,
не жалеет, думаю, о том,
что короче стал, что кожа сбита...

* * *

Снова август,... и спелые звёзды,
тяжелая, срываются вниз –
в пожелтевшие травы и в гнёзда,
зацепившись порой за карниз.
Подбежишь, чтоб в ладони взять чудо –
да его не найти просто так...
только слышишь листы пересуды,
вдруг наткнувшись на медный пятак...
И недаром проснуться попозже
хочет утро, чтоб сон всё списал...
но мурашки, чтоб бегать по коже,
ждут от августа новый сигнал.
День, стараясь казаться беспечным,
надевает цветастый наряд,
тишиной, замирая пред вечным,
дарит вечер стихов звукоряд,
и лишь ночь, Бог для тайн её создал,
исполняет его же каприз –
и срываются спелые звёзды,
и, как яблоки, падают вниз.

* * *

Хрестоматийная хандра,
привычная, как чашка чая...
с постели, будто бы с дивана,
встаёшь и, днью не различая,
идёшь по кругу, по кривой,
по кем-то заданной спирали,
по некой сделке часового,
а, если против, чтоб вначале
вдруг оказаться – так нельзя,
жизнь против правил, что удавка,
с ней в поддавки б, слегка скольбя
по склонам, да тщедушный Кафка
так и не смог, и сонм иных,
не породнившихся с их ролью,
оставив в пепле запятых
свой спор со временем, с юдолью.

* * *

Признак осени – кашель и шарф,
им повязана, как вдохновением,
вот и площадь – адажио арф
отнимает дождя откровением,
сыплет жёлуди силплый октябрь,
чёрным галок саднит многоточие,
ком поднялся до уровня жабр,
оцарапав гортань, кровотоচিত ли?

Город впишет меня в толчею
пешеходов, по типу движения,
отчуждённо немую, ничью,
с пружины своего заблуждения,
с ассорти чистоты и греха
в амплитуде чужого суждения...
Погружаясь в простоту стиха,
продолжаю своё восхождение.

* * *

«Держу пари, что я ещё не умер»
О. Э. Мандельштам

А я держу пари сама с собою,
что навещу Париж, хоть мне судьбою
в нём не дано прожить, не вышла карта...
ищу приметы нить стопам Монмартра...
Возможно, встречу там, в кафешке старой,
где полумрак и гам вдыхаем с паром,
у столика (его б на слом), за чашкой с грогом –
с рыжеволосым чудаком в пальто – х Ван Гогом.
Он, взгляда не переводя, заметит хмуро:
– Давно как не работал я, как будто умер.

ДОРОЖНОЕ

Суть дороги – движение, важно – скорость акт,
поездам не движение, важно – ширина и такт
И колёса стараются, отбивая свой ритм,
в их пробеге срастаются расходятся, рифм
наважденые летучее заполняет вагон –
вон исчезли за тучами и вокзал, и перрон,
всё сдвинулось, ожило, обрело голоса,
растворились расхожие истины, а чудеса
воплотились в реальности измерений иных,
обращая банальности вдруг в сложившийся стих.

Чемоданов упитанных лёгкий слышится скрип,
и газет непрочитанных единаственно охрип,
предлагая сенсации за единственный – ах!
сумасшедшей акации мне б охапку в руках!
В смуте сумерек мой пытаетсЯ, фиксируя факт –
плащ взлететь так пытается, пряжкой звякая в такт,
и сапожки всё топчутся возле двери – заслон,
спать пока что не хочется, сон свернулся в рулон,
мелкой дробью отточенной подстаканник стучит,
и в плену многоточия лишь подушка молчит...

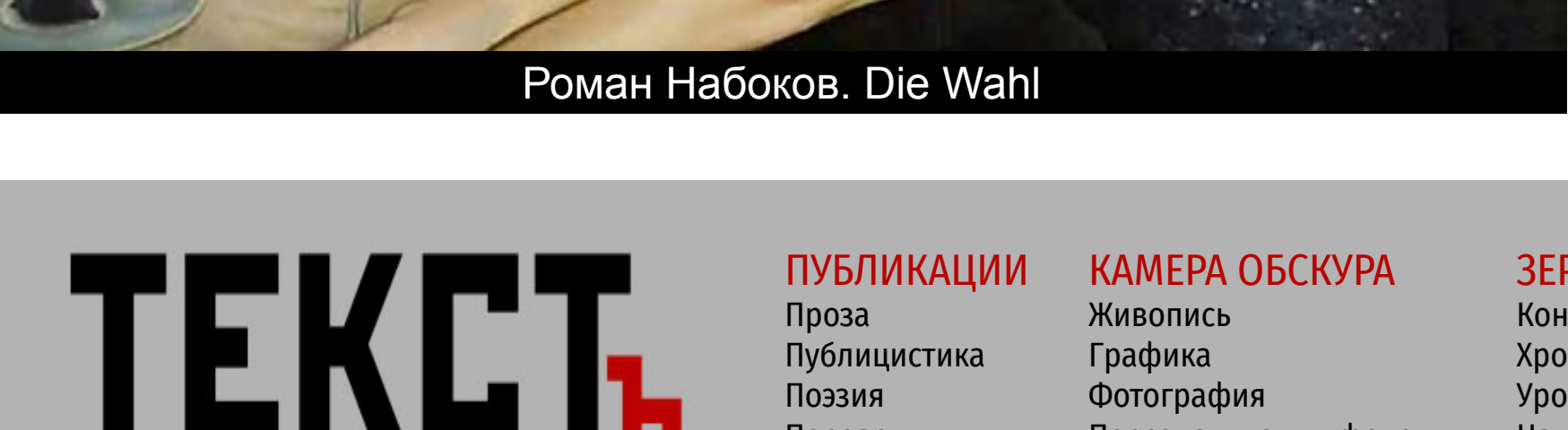
* * *

Чудаковатая зима, почти без снега,
её дворцы не из льда, скорей, из Lego.
А я метели так ждала и хлопьев белых!
Но только стайка их простых да оробелых
чуть покружила, и опять всё стало серым...
Вот спичка вспыхнула в руке, запахло серой,
и загорелся фитилёк, надев корону,
фонарь чуть высветил в окне и вяза крону,
и детства берет вдалеке, в степи горячей,
и путь, который я прошла, как бы незрячей...

Метки: [Berlin](#), [Берлин](#), [ТЕКСТ](#)

Раздел: [поэзия](#) - [обзор](#)

Роман Набоков. Die Wahl